

С. Н. БУЛГАКОВ: РУССКИЙ ПУТЬ В ЭКОНОМИКЕ

Талонов Александр Владимирович

доктор экономических наук, профессор кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: talonov@hotmail.com

Корягина Инга Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: 2001inga@mail.ru

В статье рассматривается место С. Н. Булгакова в мировой экономической истории как мыслителя, обозначившего путь примирения социализма и либерализма через философское осмысление экономического процесса. Авторы наглядно показывают, как Булгаков пришел к выводу, что философия хозяйства – не просто раздел философии, а новая версия целостной философской системы со своей онтологией, гносеологией, антропологией и космологией. Мыслители разных времен находили свои «калитки», через которые они проникли в бесконечный и таинственный мир бытия. Для Булгакова такой «калиткой» оказалось хозяйство. Результаты авторских исследований позволяют посмотреть на проблемы сегодняшнего мира с неожиданной точки зрения.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономический материализм, либерализм, социализм, христианский социализм, нравственная экономика, человечество.

S. N. BULGAKOV: THE RUSSIAN WAY IN ECONOMY

Talov, Alexander V.

Doctor of Economics, Professor of the Department for Theory of Management and Business Technologies of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: talonov@hotmail.com

Koryagina, Inga A.

PhD, Assistant Professor of the Department for Theory of Management and Business Technologies of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: 2001inga@mail.ru

The article discusses the place of S.N. Bulgakov in global economic history as a thinker, who indicated the way of conciliation of socialism and liberalism through philosophic comprehension of economic process. The authors show how Bulgakov came to the conclusion that philosophy of economy is not just a sector of philosophy but a new version of the integrated philosophic system with its own ontology, epistemology, anthropology and cosmology. Thinkers of different periods managed to find their 'doors' through which they got inside the endless and mysterious world of being. Economy was a 'door' for Bulgakov. Findings of the research allow us to look at today's problems from a different point of view.

Keywords: philosophy of economy, economic materialism, liberalism, socialism, Christian socialism, moral economy, humanity.

В 1912 г. в Московском коммерческом институте (сегодня – Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова) была защищена в качестве докторской диссертации первая часть «Философии хозяйства» – работа, получившая впоследствии мировую известность. Она ознаменовала собой своеобразный рубеж в многовековой истории развития экономической мысли. Одновременно это был вклад русских в величественное здание экономической науки. Автором работы был Сергей Николаевич Булгаков. Философия и экономика целенаправленно встретились под общей обложкой, пожалуй, впервые со времен Античности.

«Философия хозяйства» производит необычное впечатление на любого, кто рассчитывает увидеть здесь обсуждение основополагающих экономических категорий: прибыли, капитала, ренты и т. п. В ней нет ни слова о соотношении государственного и частнопредпринимательского начал в экономическом процессе – чрезвычайно животрепещущей проблеме для любого экономиста. Автор «стрелял» по совершенно другим мишеням. Вот что говорил он сам: «...может показаться, что философу исследователю наших дней совершенно нечего делать с экономическим материализмом (экономизмом)... и надо оставить его в покое. Тем не менее мы полагаем, что на такое к нему пренебрежение мы не имеем права до тех пор, пока мы серьезно не рассчитались с проблемой экономического материализма. Жизненное же значение проблемы экономическо-

го материализма совершенно несоизмеримо с незаконченностью и несовершенством его философской формы» [4. – С. 229].

Все многообразие экономических учений и практик графически можно представить в виде шкалы, по краям которой разместятся диаметрально противоположные концепции регулируемой и нерегулируемой экономики – соответственно марксизм и либертарианство. Невозможно представить, чтобы марксисты договорились с либертарианцами. Но, образно выражаясь, между черным и белым есть множество оттенков серого. Существует своеобразная мода на то или иное учение (оттенки учения), но логические крайности сегодня неприемлемы в подавляющем большинстве стран мира. Частная собственность на протяжении всей человеческой истории соседствовала с общественной, однако пропорции между ними всегда были разными. Спор между представителями каждого деления на шкале длится столетиями. Происходит это потому, что, оставаясь в рамках экономической парадигмы, ученые и практики принципиально не могут примирить непримиримое, несмотря на все попытки дозировать с основательностью провизора частнособственническое начало с началом коллективистским.

А что если выход из лабиринта бесконечных споров о преимуществах и недостатках в том, чтобы подняться над спорящими, ввести новую систему координат, превратить двухмерное экономическое поле в трехмерное? Третьим вектором вполне может стать философия с огром-

ным набором инструментов познания. Идея осмысления вековечных экономических проблем философскими методами в новое время принадлежала русским, и прежде всего Булгакову.

Русский человек склонен к рефлексии. Западный рационализм дополняется им или вообще подменяется метафизикой. Мыслительный процесс по поводу абстрактных категорий является часто самоцелью. Он не предполагает практического воплощения в виде действия или руководства к действию, а является вполне самостоятельным. По образному выражению Достоевского, главное – «мысль разрешить». Любое рации предполагает мировоззренческое осмысление, иначе оно остается чем-то низким, грубым, незавершенным, одним словом, недостойным настоящего философа. То, что русские являются стихийными философами, подмечено давно и очень многими. Склонность дать всему свое высокое объяснение – отличительная черта российского мышления, можно даже сказать, фирменный стиль. Склонность к поиску внутреннего смысла простейших явлений удивляет человека западного склада мышления. Не стремление обустроить прежде всего свою жизнь, свой быт, а вскрыть подноготную глобального явления, затрагивающего все человечество, а также склонность отстаивать это горячо и безапелляционно перед соседом, гостями во время застолья, аудиторией – безошибочный знак русскости. Если рассуждать о политике, то только о самой высокой, и неважно при этом, что покосился забор и вообще плохо налажен быт в сравнении с «ограниченным немцем». Потрясающе начинается у Гоголя повествование о мертвых душах – с досужего размышления двух мужичков по поводу того, доедет или нет бричка до следующего города по причине хлипкого колеса. При этом автор остроумно предполагает, что у них-то есть и бричка, и с колесом все в порядке.

Откуда берется склонность и любовь к размышлению на отвлеченные категории –

непонятно никому, в том числе и россиянам. Просто это данность. Может, это география, по рациональному рассуждению Монтескье и Бокля, а может, сам воздух такой, что иначе нельзя? Больших рассуждений на эту тему не предполагает тематика данной научной статьи, но и приведенная ремарка, как увидит читатель из дальнейшего, не является лишней.

Русские мыслители стали систематически рассуждать на темы об устройстве общества на рубеже XIX и XX вв. Они не позиционировали себя как профессиональные экономисты или социологи. В лучшем случае они считали себя философами, а чаще всего – просто писателями или публицистами. К тому времени в общественных науках, и прежде всего в экономике, доминирующим стало научное мировоззрение. Оно основывалось, во-первых, на сконцентрированном взгляде на объект исследования (исследователь должен максимально абстрагироваться от всего внешнего, не имеющего непосредственного отношения к объекту); во-вторых, на рациональном мышлении, все остальное для исследователя – недопустимая мистика. Из этого вытекает, что исследование не предполагает (или даже запрещает) гипотезу существования Бога. Грандиозные здания экономической и философской науки в общих и основных своих чертах сложились к концу XIX в. Русского вклада в их возведении не было вообще. Российские мыслители обживали отдельные помещения этих зданий на положении арендаторов. Марксизм и классическая немецкая философия были, пожалуй, единственными обживаемыми пространствами. Российская интеллектуальная элита в силу значительного запаздывания собственной философской и социальной мысли восприняла в готовом виде немецкую философскую и социальную школу, что не позволило ей выработать собственное оригинальное воззрение на мир и экономические отношения людей в этом мире. Казалось, что с самого начала все это обрекало нарождающуюся российскую экономическую мысль на про-

винциальность. Однако русским в силу склонности к абстрактным рассуждениям пришла идея соединить философию с политэкономией, чего на Западе старались не делать. Наиболее востребованная среди отечественных читателей работа Сергея Николаевича Булгакова так и называется «Философия хозяйства». Взвзвись решать ряд вопросов политической экономии, Булгаков вышел на уровень вечных вопросов бытия: смысла жизни и человеческой истории, свободы личности, замысла Провидения в общественной жизни человека. Такой подход отвечал изначальным склонностям Сергея Николаевича. «Меня влекла область филологии, философии, литературы, я же попал на чуждый мне юридический факультет в известном смысле для того, чтобы тем спасти отечество от царской тирании, конечно идейно. А для этого надо было посвятить себя социальным наукам, как каторжник к тачке, привязав себя к политической экономии», – вспоминал он на склоне лет («Мое рукоположение», 1942 г.).

К моменту выхода Булгакова из университета господствующей теорией в политической экономике стал марксизм. Он был популярен и в Европе (в основном в Германии), но Россию первый том «Капитала» накрыл как каменной плитой, задавив ростки социальной мысли, привнесенные в российскую почву из Англии и Франции. Маркс на столетие отрезал российскую (позднее советскую) экономическую мысль от либеральных научных течений Западной Европы и Америки. Восхваляли Маркса, ругали Маркса, игнорировали Маркса – в общем, все говорили только о Марксе.

Исследователи творчества Булгакова выделяют три этапа его эволюции: легальный марксизм, религиозную философию и богословие. К сожалению, теологический период мыслителя остается за пределами данной статьи. А пока молодой С. Булгаков усердно занимался политической экономией (преимущественно марксистской ее разновидностью). Он ее с энтузиазмом преподавал.

Важным результатом двухгодичного пребывания Булгакова в Германии (стране социал-демократов и марксизма) стало разочарование в теории автора «Капитала», сомнение в ее универсальности и в конечном счете отказ от нее.

До философского осмысления экономики было еще далеко. Много усилий уходило на то, чтобы завоевать признание среди творчески мыслящей интеллигенции именно как теоретика-экономиста. Интеллектуальная Москва надолго запомнила ошеломляющие курсы лекций «История социальных учений XIX века» и «История экономических учений», читавшихся в стенах Московского коммерческого института и других аудиториях города. Движение от марксизма по пути постижения истины могло происходить только вправо. Булгаков говорил, что «к несчастью, от левизны... в русской жизни отбрыкаться слишком трудно, и нет труднее задачи, как с умом и совестью быть политически правым, имея даже самую правую идеологию».

Лакмусовой бумажкой принадлежности к правым является признание человека как свободной личности, вообще принятие свободы без всяких оговорок. Отторгая экономический материализм, Булгаков постепенно приходит к идеализму. Он в данном случае солидарен с Ф. Бастиа, несколькими десятилетиями ранее утверждавшего, что «...феномены социальной экономики тоже имеют свои непосредственные причины и тоже подчинены замыслу Провидения» [1. – С. 420].

Свой идеализм он наполняет стопроцентно либеральным содержанием. На знамени его идеализма начертано: «Естественные и не долженствующие быть отчуждаемыми права человека и гражданина, права человеческой личности, свобода или, вернее, свободы, вся совокупность свобод для этой личности» (свобода слова, религиозных убеждений, собраний, митингов, коалиций, право наций на самоопределение). Однако в своем движении вправо навстречу экономическому либерализму он

не достигает крайностей, лишь незначительно продвигаясь за центральную черту на шкале. Так, для него остается абсолютно неприемлемым мамонизм – поклонение Мамоне. Сказанное относится и к различного рода биржевым спекуляциям.

Сегодня в мире обозначилась общая тенденция «полевения» либерализма. В этих условиях актуально воспринимается стремление Булгакова уйти от противопоставления либерализма социализму, рассматривать их не как полюса или противоположности, а как применение в разных областях одного и того же верховного начала – священных прав человеческой личности, ее свободы.

Весь центр шкалы экономической мысли представлен социализмом – чрезвычайно емким, пестрым и многогранным понятием. Авторы без труда могут перечислить десяток социализмов различного толка, включая муниципальный социализм. Это обширная зона компромисса между крайними логическими абстракциями. Социализм как крайне обобщенное понятие для Булгакова не лишен серьезных недостатков. Какие же обвинения предъявляет Булгаков социализму? Первое – это корыстное, нелюбовное, предпринимательское отношение к природе, «отчуждение от матери-земли»; второе – равнодушие потомков к своим умершим предкам, «духовный каннибализм»; третье – безразличие к вопросу о человеке, подмена этого вопроса вопросом о природе и строении общества, игнорирование трагической природы человека; наконец, четвертое – воинствующее мещанство социализма, его «буржуазность». Надеемся, читатели, жившие в советское время, понимают, о чем говорил мыслитель.

На обширном поле социалистических воззрений ярко и самобытно проявляет себя Булгаков уже не как экономист, а как философ, рассуждающий на социальные темы. Здесь он выходит за привычные рамки политической экономии, казавшиеся ему отныне слишком узкими. Он провозглашает свой собственный социализм. Социализм Булгакова необычен. Он не

предполагал построение каких-то социальных конструкций, в тесные рамки которых должно быть втиснуто человечество. Его социализм имел в своей основе глубокие нравственные начала и предполагал возвращение к Богу, а не передел человеческой природы.

Возвращаясь к экономике, отметим, что традиционная рациональная западная экономическая наука аморальна, в том смысле, что ее законы нейтральны по отношению к человеку, как законы природы. Она оперирует к такой категории человека, как «человек экономический», но не к человеческой личности. В своем учении о «христианском социализме» Булгаков соединяет природное, общинное и индивидуальное начало в необычайно красивой системе, охватывающей не какой-то регион или период времени и даже не планету, а все мироздание от сотворения Богом человека до бесконечности. В его метафизической системе субъектом хозяйства выступает сразу все человечество. Именно человечество, а не отдельные люди. Как отмечает В. Катасонов, «общий хозяйственный процесс складывается из миллионов разрозненных действий отдельных хозяев. Но это лишь кажущаяся разрозненность. Даже если индивидуальные хозяева осуществляют свою деятельность в рамках натурального хозяйства и не связаны формально между собой нитями рыночных отношений, общий хозяйственный процесс имеет свою внутреннюю логику» [5. – С. 353]. Задача философии хозяйства, а шире – философии социальной, заключается в постижении этой логики. При этом человечество как субъект хозяйства – не просто совокупность внешне разрозненных людей, живущих в данный момент, но сумма всех поколений людей, живших со времен Адама на Земле, которые создавали материальную и нематериальную культуру, являющуюся общим наследием человечества.

Что касается объекта хозяйства, то это не только непосредственные предметы труда (согласно положениям политической экономии), но также весь мир, вся вселенная. В

конечном счете в качестве объекта выступает и сам человек (его духовное, культурное, физическое преобразование). Грань между субъектом и объектом хозяйств становится условной, размытой. Такой взгляд на экономику позволяет подняться над уровнем традиционных споров о толковании той или иной научной категории, преимуществах и недостатках альтернативных моделей экономического развития и объединить интеллектуальные усилия представителей различных научных школ для успешного развития всего человечества на его пути, по выражению К. Э. Циолковского, к «лучистому человечеству». Он делает бессмысленным само существование таких школ, по крайней мере в их сегодняшнем виде. Подобный взгляд обозначает тренд научного развития: микроэкономика, макроэкономика, мегаэкономика, охватывающая общепланетарные процессы.

Работа Булгакова «Философия хозяйства» опережала хронологически и превосходила по масштабу своих идей учение другого русского мыслителя – В. И. Вернадского, которого у нас принято считать основателем учения о ноосфере, автором общей теории взаимодействия общества и природы.

Экономическое наследие С. Н. Булгакова необходимо воспринимать с позиций сегодняшнего дня, не делая скидок на историзм. Без деятелей духовного ренессанса начала XX в. (а Булгаков среди них – одна из главных фигур) невозможно представить себе русскую философию, экономику и русскую культуру вообще. Признав примат общечеловеческих ценностей в сферах естественно-научного и общественного развития, мы сегодня, по сути, возвращаемся к многогранной проблематике Булгакова.

Список литературы

1. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. Избранное / предисл. Гр. Г. Сапова; пер. с франц. Ю. А. Школенко. – М. : Эксмо, 2007.
2. *Булгаков С. Н.* О рынках при капиталистическом производстве / сост., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006.
3. *Булгаков С. Н.* Очерки по истории экономических учений. – Вып. 1. – 2-е изд. – М. : Книгоиздательство «Высшая школа» студ. М. К. И., 1918.
4. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. – М. : Наука, 1990.
5. *Катасонов В. Ю.* Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов / отв. ред. Н. Н. Бойко. – М. : Родная страна, 2015.

References

1. Bastia F. *Ekonomicheskie harmonii. Izbrannoe* [Economic Harmonies. Selected works], Introduction by Gr. G. Sapova; translated from French by Yu. A. Shkolenko. Moscow, Exmo, 2007. (In Russ.).
2. Bulgakov S. N. *O rynkakh pri kapitalisticheskom proizvodstve* [About Markets in Capitalist Production], compilation, introduction and comments by V. V. Sapova. Moscow, Astrel', 2006. (In Russ.).
3. Bulgakov S. N. *Ocherki po istorii ekonomicheskikh ucheniy* [Sketches on History of Economic Doctrines]. Issue. 1, 2nd izd. Moscow, Knigoizdatel'stvo «Vysshaya shkola» stud. M. K. I., 1918. (In Russ.).
4. Bulgakov S. N. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy]. Moscow, Nauka, 1990. (In Russ.).
5. Katasonov V. Yu. *Russian Sociological Thought at the Turn of 19 and 20 Century*. K. Leontiev, L. Tikhomirov, V. Soloviev, S. Bulgakov, S. Sharapov, edited by N. N. Boyko. Moscow, Rodnaya strana, 2015. (In Russ.).